

Проблематика окказионального слова

Viktor Cerula, cerula.viktor@gmail.com

Ключевые слова: окказиональное слово, окказиональное словообразование, неологизм, новые слова, потенциальные слова

Kľúčové slová: okazionalizmus, okazionálne slovo, okazionálna slovotvorba, neologizmus, nové slová, potenciálne slová

В лингвистике широкое и систематическое изучение окказионального слова началось сравнительно недавно. Обычно утверждается, что термин “окказиональное слово” появился в 1957 г.¹, хотя индивидуально-авторские неологизмы начались анализироваться русскими лингвистами уже в 30-е годы, а „термин «окказиональный» впервые в печати употребила Розалия Шор, когда писала об «окказиональных выражениях» в своей (...) книге «Язык и общество»“ (Виноградов, 2001, 122). В настоящее время, окказиональное слово, или лучше сказать, индивидуальное авторское словотворчество все больше привлекает исследователей, анализирующих новообразования с разных точек зрения.

Одни ведут свою работу с точки зрения словообразовательного аспекта (напр. Е. А. Земская, Р. Ю. Намитокова, И. С. Улукханов), другие с лексикологического аспекта (напр. О. И. Александрова, М. А. Бакина, А. Г. Лыков), третьи уделяют внимание окказиональным словам с социолингвистического аспекта (Р. А. Бударов, Л. П. Крысин), четвертые разбираются в ономастиологическом плане (О. А. Гавинская, Е. С. Кубрякова) (Гугунава, 2002, 1), пятые анализируют окказиональные слова с точки зрения современной литературной критики (Д. В. Гугунава), шестые уделяют внимание окказиональным словам в художественном тексте, анализируя при этом или одного художника слова (напр. О. Аксенова, М. В. Карякина, Ю. Б. Мартыненко) или больше авторов (напр. Н. Г. Бабенко). Окказиональные слова в художественных текстах, предназначенных, для взрослых исследуют, например, О. Аксенова, Н. Г. Бабенко; тексты для детей исследуют Я. Полухина, Ё. Valeková; фантастической литературе уделяет внимание Е. А. Белоусова. Седьмая группа лингвистов активно изучает окказиональные слова в публицистических текстах (напр. J. Korina, J. Jacko, J. Sipko, И. А. Нефляшева, Е. Н. Горегляд и О. Н. Кулиева, С. Амириди). Филологи восьмой группы коснулись проблем перевода окказиональных слов (напр. В. С. Виноградов, J. Sipko, Е. В. Поздеева, D. Antoňáková). Н. Г. Бабенко возглавляет ту группу филологов, которые занимаются проблемами (не) возможного лексикографического описания окказионализмов. Предметом изучения окказионализмов стала и коммуникативная сторона окказиональных слов (напр. Ё. Liptaková, Ю. О. Нестерова, И. А. Нефляшева, J. Grzega). Окказиональное слово было, хотя бы отчасти, рассмотрено и с семиотической (О. Г. Баталов) и ономастической (Ю. Б. Мартыненко) точек зрения. Некоторые (В. В. Шаповал) коснулись проблемы источниковедения и текстологии современных художественных текстов в связи с окказиональным словом.

С окказиональными словами тесно связаны неологизмы и потенциальные слова.

Неологизмы – это новые в языке слова или значения, называющие новые предметы мысли (Виноградов, 2001).

Потенциальные слова – это возможные, незакрепленные лексические единицы в языке, созданные по высокопродуктивным словообразовательным моделям.

Окказиональные слова² представляют собой индивидуальные авторские новообразования, созданные по необычным или малопродуктивным словообразовательным моделям. У них „функция не номинативная, как у простых неологизмов, а характеристическая“ (Виноградов, 2001, 123.) Они всегда экспрессивны, существуют лишь в определенном контексте, они не воспроизводимы.

С 50-х годов и в мировой лингвистике большое внимание начинает уделяться окказиональному словообразованию (Н. И. Фельдман, Е. А. Земская, В. Л. Лопатин, А. Г. Лыков, K. Buzzásová, O. Martincová, L. Bauer, P. Hohenhaus, P. Štekauer) и другие. Естественно, что существуют разногласия по поводу определения сути окказионального слова, его классификации и выделения его характеристических признаков.

На окказиональное слово ученые смотрят из двух точек зрения: 1) окказиональное слово понимается в широком значении, т. е. потенциальные слова считаются разновидностью окказиональных слов; 2) окказиональное слово понимается в узком значении, значит, потенциальные слова противопоставляются окказиональным.

Различию, до определенной степени, способствует и типологическая классификация языков, т. е. тип языка. Иными словами: различие между аналитическим и синтетическим типом языка, так как в синтаксическом типе языка синтаксические отношения между словами выражаются с помощью флексии, в аналитическом типе выражаются с помощью вспомогательных слов.

Словацкая окказиональная школа исходит, в большей мере, из русской школы понимания окказионального слова. Кроме K. Buzássyovej, которая является основоположницей словацкой окказионалистики, окказиональными словами занимаются J. Jasko, J. Korina, J. Sipko, которые исследуют окказиональные слова в публицистических текстах; коммуникативные окказиональные слова проанализировала Ľ. Liptáková. Она занималась преимущественно детскими окказиональными словами.

Проблемами, связанными с переводом окказиональных слов занимались отчасти J. Sipko, D. Antoňáková, N. Kiseľová. Ľ. Valeková анализировала окказиональные слова предназначены для детей.

Проблематики окказиональных слов коснулись и L. Sisák, который интересовался интерпретацией и пониманием окказиональных слов или M. Oľošťiak, говоря об индивидуальной мотивации лексических единиц.

Окказиональное слово трактуется по-разному. Главным фактором данных разновидностей является факт широкого или/и узкого понимания лексического новообразования. Следующее разногласие характеризуется отдельными языками и их природой, т. е. разницей между синтетическими и аналитическими типами языков. Основная разница между синтетическим и аналитическим типом заключается в способе выражения синтаксических отношений между словами. В синтетическом типе они выражаются с помощью флексии, а в аналитическом типе с помощью вспомогательных слов.

Первым лингвистом, который всесторонне проанализировал окказиональное слово можно считать А. Г. Лыкова (1976). До этого данной проблематике уделяли внимание и такие лингвисты как Ханпира, Шанский, Земская, но, по мнению Лыкова, окказиональное слово – это „речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности“ (с. 36). Он делит слова на:

- 1) канонические, т. е. узуальные, обычные, вообще использованные и,
- 2) окказиональные, т. е. случайные, индивидуально использованные, творящиеся импровизацией в процессе речи. Они как будто „отталкивались“ от

‘нейтральности’, т. е. всех привычных особенностей канонического слова“ (с. 10).

Следующим автором, который попытался дать характеристику окказионального слова является Н. Г. Бабенко (1997), которая характеризует окказиональное слово как „не узуальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления“ (с. 3).

Е. Ханпира (1966) использует трихотомию неологизмы – потенциальные слова – окказионализмы. Потенциальность понимает как возможность возникновения речевого факта в рамках языковой системы, а окказиональность характеризует как возможность возникновения речевого факта, но вне правил языковой системы. И поэтому окказионализмы должны связываться с определенным контекстом, или конкретной речевой ситуацией.

Н. М. Шанский (1972) говорит об окказионализмах как о неологизмах второй степени (индивидуально-стилистических неологизмах). Он пишет, что эти слова не являются словами языка в полном смысле этого слова. Это словные морфосочетания³ и семантемы⁴, существующие в том или ином контексте. Это образования, которые нами понимаются, но совершенно не используются. По мнению Шанского „любое новообразование, созданное вне правил и законов русского словопроизводства, русской семантической системы и грамматического строя будет мертворожденным словом, не нужным и бессмысленным набором звуков“ (с. 163). В качестве примера он приводит слова, созданные Хлебниковым *будетляне, речар, охотея, кричак, соноги, любаница* и другие.

Е. А. Земская (1973) разделяет окказионализмы на три группы:

- 1) окказионализмы, произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов (напр. слово *канцелярит* созданное Чуковским),
- 2) окказионализмы, произведенные по образцу типов непродуктивных в ту или иную эпоху, т. е. с нарушением законов эмпирической продуктивности,
- 3) окказионализмы, образованные по конкретному образцу, обычно по образцу слов членимых, но непроемных, не входящих в словообразовательные типы (напр. *звучок, желандия* и другие).

По ее мнению потенциальное слово – это реализация законов словообразования. Окказиональное слово – это нарушение этих законов. Оба термина демонстрируют возможность войти в активный словарный запас, хотя эта возможность не одинакова. В первом случае, эти слова как будто уже себе пробили дорогу в активный словарный запас, во втором случае существует возможность, но она гораздо меньше, чем в первом случае, окказионализмы очень тяжело входят в активную языковую жизнь. Как отмечено Земской, потенциальные слова „сходятся, т. е. имеется пограничная полоса, в которой расположены образования, наделенные чертами и потенциальных, и окказиональных слов“ (с. 238). Из этого вытекает, что некоторые слова можно понимать и как потенциальные, и как окказиональные. Они взаимосвязаны и отличаются лишь маленькими оттенками.

О. Аксенова окказиональность рассматривает как “одно из проявлений аномальных⁵ явлений, имеющих в языке” (1998, 45). Она (согласно Ю. Д. Апресяну) выделяет два типа аномалий:

1) авторские аномалии, которые наиболее изучены и они используются, прежде всего, как выразительное средство, в частности как средство языковой игры (к ним относятся многие стилистические фигуры и приемы, включая метафору, оксюморон и некоторые виды каламбуров),

2) экспериментальные, которые используются в лингвистике, и являются „насилием“ над правилами языка, но создаются намеренно с целью получения нового знания о языке.

Главные условия реализации языковой игры, по мнению М. В. Карякиной (2002, 262) таковы:

- 1) наличие игрового ассоциативного контекста (междусловная ассоциативная связь),
- 2) ассоциативный потенциал слова (внутрисловная ассоциативная связь),
- 3) наличие ассоциативного стимула, дающего лингвистический код для дешифровки игрового парадокса.

По мнению Д. В. Гугунавы (2002) существуют два индикатора актуальных процессов словопроизводства. Во первых – это средства массовой информации, а во вторых – это литературная критика постмодернизма, которая ставит «общекультурную надстройку и распространяет свое влияние на философию, политику, религию, науку» (с. 1).

Сегодня наблюдается расцвет литературной критики постмодернизма, как ведущего направления русской литературной критики⁶, которая приобретает черты критикуемых произведений, участвуя в формировании постмодернистской языковой картины мира⁷. Языковая игра является важным компонентом эстетики постмодерна. „В произведениях литературной критики постмодернизма немало окказионализмов нетерминологического характера (...) наиболее специфическим проявлением постмодернистской языковой картины мира здесь является виртуальная деривация⁸, особая форма языковой игры, практически не наблюдающаяся в других типах литературы“ (там же, с. 4).

Н. Н. Зайцева (2005) в своей работе занимается одним из способов окказионального словотворчества, а именно гендиадисом⁹.

Выделяются две разновидности гендиадиса:

1. „Редупликативные структуры“ – один или оба компонента которых, рассматриваясь изолированно друг от друга, не имеют самостоятельного значения. Эти слова обозначают предметы или явления в их совокупности, множестве. Эта форма гендиадиса передает идею плюральности. Напр. шуры-муры, фокусы-покусы, и т. п.,
2. Структуры с полнозначными компонентами. Это выражения типа грибы-ягоды, гуси-лебеди, кошки-мышки, и другие. Подобные единицы необычайно широко представлены в художественной литературе, а также в разговорной речи.

Выделяется еще и *дегендиадис*, т. е. способ словообразования, когда один из рифмованных компонентов употребляется как самостоятельное слово¹⁰.

Окказиональное словотворчество не является стихийным процессом. Й. Коржинек (1967, 321) предполагает, что „индивид не может создать в языковом плане ничего действительно совершенно нового, потому, что все индивидуальное многообразие конкретных речевых актов с точки зрения звучания, морфологии и синтаксиса основывается на тех возможностях и предпосылках, которые заранее предопределены данным языком“.

В. В. Лопатин (1973) тоже высказал мысль, что слова, которые отклонились от языковой или словообразовательной нормы не творятся в воздухе. Используются аффиксы, уже существующие в русском языке, хотя в другой функции. По его мнению, существует относительно много данных словообразовательных типов и подтипов, которых продуктивность проявляется в окказионализмах, значит, новые слова, созданные по этим типам, являются исключительно случайными словами (напр. слово *кирпичнокрасный*).

В художественных произведениях можно найти по разным причинам окказиональные слова, „которые в том виде, в каком они представлены в конкретном художественном произведении, больше нигде не существуют“ (Шаповал 2007, 69). Приведем хотя бы один пример: *ганка*, обозначающая *фуражку*, *шапку*. По мнению В. В. Шаповала, этот окказионализм возник „смешением рукописных букв [г]–[ч] из польского слова *czapka*“ (с. 69). Такие и подобные слова „формально можно отнести к авторским окказионализмам, хотя сами авторы более или менее дают понять, что слово ими не выдуманно, а взято из какого-либо реального экзотического источника“ (с. 71).

Н. Д. Голев (2001) различает окказиональные и узуальные наименования. По его мнению, окказионализмы характеризуются вариантностью, т. е. один и тот же предмет в разных ситуациях разными говорящими (или одним и тем же) может быть назван по-разному. *Узуализация* – это установление устойчивой связи определенного предмета с каким-либо одним названием. *Окказиональные наименования* распадаются после их употребления, – каждый раз, чтобы назвать данный предмет, их приходится создать заново; узуальные наименования воспроизводимы, моменты их создания уступают моментам употребления как готовых единиц языка. При создании *окказионального наименования* участвует один индивид, один говорящий; при *узуальном наименовании* – это результат деятельности целого коллектива носителей языка как говорящих (пишущих), так и слушающих (читающих).

Окказиональные личные имена были проанализированы Ю. Б. Мартыненко (2002), по мнению которой окказиональную ономастику можно подразделить на: 1) мотивированную реальными словами; 2) немотивированную. Вслед за этим она выделяет три класса окказиональных личных имен:

1. Морфологически интерпретируемые слова, т. е. слова образованы по общим словообразовательным законам. В рамках первого типа находится шесть возможных способов образования антропонимов:
  - сложение – например Дева-Цаца, Числобог, Очимир, Перунепр (Днепровский Перун),
  - усечение имени собственно реального человека – например Мейерх (Мейерхольд), Мамонт (Мамонтов),
  - субстантивация – Белая (Лейли)
  - аффиксация – Собакевна, Моляна
  - название героев по буквам – Эль, Ха, И, Э или инициалам П., Ч., Х.,
  - переход имен нарицательных в имена собственные – барышня Смерть, Молодые кудри, Чертик, Холст, Целитель, Любитель, Писатель, Художник, Поэт, Спутник.
2. Звукоподражание, звукопись, заушь и т. п., т. е. слова, созданные на прямое эмоциональное восприятие. Эта группа слов „рассчитана на непосредственное, <внеразумное> восприятие“ – Ольга, Эльга, Альга.
3. Слова, созданные по моделям, не имеющим прямых аналогов в узусе, но не вступающие в противоречие с русской словообразовательной системой в целом. В этой группе находим пять подтипов:
  - имена букв в узуальном антропониме – Снежимочка,
  - контаминация – Моревна (море + царевна), Снегляночка (снег + смуглянка), Зангези (Ганг + Занбези),
  - необычность в грамматическом оформлении слова – Снегей,
  - перемещенные ударения – г-жа Лени'н
  - саркастический неологизм – Ванюша Цветочкин (от фамилии Уточкин).

С точки зрения окказиональной антропонимии Ю. Б. Мартыненко (2002) выделяет две ее функции: 1) первичную идентифицирующую, т. е. поэзия субъекта действия, описания, и первичную выделительную, т. е. поэзия обращения, 2) вторичную характеризующую, т. е. поэзия предиката, и вторичную квалификативную, т. е. в составе перифраз, генитивных конструкций.

М. И. Фомина (1991) разделяет контекстуально-речевые неологизмы на:

- 1) те, которые были построены по образцу словообразовательной модели, и
- 2) те, которые не были построены по словообразовательной модели (с данными словами встречаемся реже, чем в первом случае). Она высказала мысль о том, что эти слова зависят от авторского контекста.

Основоположником словацкой окказиональной школы является словацкий лингвист К. Buzássyová (1979), которая выделяет три группы случайных слов:

- 1) нормальные потенциальные слова, которые возникают в речи совсем естественно, так как они существуют в системе как потенция (напр. *snežnosť* (снежность), *voňavieť* (ароматеть), *slávnostnieť* (торжественеть) и другие),
- 2) индивидуальные авторские слова, которые „отталкиваются“ от словообразовательной нормы, но в смысле ее развития (напр. *výdotýkané striebro* (досоприкасанное серебро), *vyohmatávané striebro* (доосязанное серебро) и другие),
- 3) случайные слова, которые нарушают словообразовательную норму (напр. *bubniť* (барабнить), *rozharfiť sa* (розарфиться), созданные J. Stachom).

Она далее констатирует, что если в неологизмах применяется иерархия *система – норма – узус*, то в случайно творящихся словах применяется иерархия *система – (норма) – индивидуальный речевой акт*, где отношение к норме не является для всех случайно созданных слов одинаковым. Она характеризует окказионализмы как факты речи, а не системы.

К. Buzássyová (1990) тоже утверждает, что окказионализмы не творятся на основе каких-то особенных аффиксов или фундаментов (базисов); они являются лишь своеобразными комбинациями того, что в определенном языке существует.

По ее словам окказионализмы представляют собой индикаторы синхронной¹¹ и диахронной¹² динамики.

Она понимает окказионализмы в их широком значении, т. е. окказионализмы ставит в один ряд вместе с потенциальными словами.

Чешский лингвист О. Martincová (1983) разделяет окказионализмы на:

- 1) те, которые наименуют субстанцию, действие, свойство или их наименование определенным способом модифицируют,
- 2) те, которые возникают изменением словообразовательной формы уже готового наименования,
- 3) те, которые возникают, т. н. семантическим образованием.

J. Jacko (1992, 20) высказал мнение о том, что „каждый неологизм при своем возникновении является окказионализмом“. Он пришел к заключению, что окказионализмы преимущественно находятся в публицистических текстах, причем авторы сознательно не нарушают словообразовательную норму и кодификацию. Они стремятся быть лишь актуальными¹³. Это слова преимущественно с новым переносным значением, где текст необходим для правильного понятия окказионального слова. Jacko полагает, что дальнейшую судьбу нового, случайного слова решит языковой узус.

В „*Dynamike slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*“ говорится о том, что „слово может приобрести черту окказиональности, если оно используется в ином как привычном значении, где окказиональное слово может быть декодировано с помощью контекста“ (Horecký, Buzássyová, Bosák 1989, 314, 315).

J. Kopina (1993, 342) предполагает, что окказионализмы не принадлежат к изолированному слою словарного запаса „так как они своими стилистическими и словообразовательными признаками ‘связаны’ со сленгом, неологизмами, фразеологизмами и каламбурами“. Окказионализмы близки преимущественно сленговым словам, для них характерна возможность нарушения словообразовательной нормы, экспрессивность, но от окказиональных слов сленговые слова отличаются тем, что они специально употребляются в профессиональной среде. По его мнению, каждый сленг при своем возникновении является окказиональным словом; некоторые окказионализмы (напр. *klausočalfizmus*, *polajnované*, *vápenkárít* и другие) из-за своего переносного, образного значения тяготеют к фразеологическим единицам, хотя отличаются свойствами, которые характерны лишь фразеологическим единицам¹⁴. Значит, окказиональные слова отличаются от фразеологизмов, для которых характерна устойчивость словосочетания, наличие минимально двух слов во фразеологической единице и их готовность к употреблению в речи. Окказиональное слово наоборот характерно неожиданностью в речи. Он тоже утверждает, что „случайные слова сохраняют свою крикливость и новость; в отличие от неологизмов они являются неповторимыми и не могут стать постоянными единицами языковой системы“ (с. 339).

С. Амириди (2005, 36) предлагает свою характеристику окказиональных слов. По ее мнению окказиональные слова – „это неузуальные индивидуальные речевые единицы (слова, значения слов, словосочетания, устойчивые словосочетания, фразы), которые в большинстве случаев остаются незакрепленными в системе языка и которые выполняют, прежде всего, экспрессивную функцию, являющуюся результатом изменения регулярно употребительных подобных узуальных единиц“.

L. Bauer (1983, 45) говорит об окказионализмах (*nonce-formation*) как о „новых сложных словах, созданных говорящим/пишущим в моменте какой-то нужды“. Иными словами: окказионализмы – это определенный специфический этап „жизни“ слова, этап от самого „возрождения“ до использования этого нового слова в определенной группе пользователей (*stage of institutionalization*).

Это понимание окказионализма в широком значении, и сам автор констатирует, что не все ученые будут согласны с его мнением.

L. Bauer (1983) считает, что разные авторы могут придумать тот же окказионализм в разное или то же самое время. Он далее констатирует, что некоторые новые слова, находящиеся изолированно могут вызывать двусмысленность или многосмысленность. В качестве примера приводит сложное слово (*compound*) **telephone box**, т. е. **телефонная будка**. Это слово имеет несколько значений. Оно может обозначать: *пакет в форме телефона*; *пакет, находящийся у телефона или на телефоне* и т. д. В определенном контексте эта многосмысленность ограничивается. То же самое случается и в словах, которые расширяют свое значение посредством метафоры или метонимии, т. е. переносного значения. Leech¹⁵ приводит в качестве примера слово **fox**, т. е. **лисица**, что не означает лишь животное, но и хитрого человека.

Hansen¹⁶ характеризует окказионализмы как слова, созданные на один случай; это слова, которые не претендуют на постоянное использование.

P. Hohenhaus (1998) понимает окказионализмы как *ad hoc* возникновения, доминантной характеристикой которых является:

- а) зависимость от контекста,
- б) отклонение (девиация) от уже основанных словообразовательных правил, и в первую очередь,
- в) отсутствие в лексиконе¹⁷ (*non-lexicalizability*)

Значит, окказионализмы не находятся в лексиконе и поэтому они творятся „заново, творятся активно, креативно“ (с. 238) и используются в речи. Значит, не все неологизмы (новые сложения) являются окказионализмами.

Р. Štekauer (2002) понимает окказионализмы как назывную единицу (naming unit), т. е. создание новых названий определенного „объекта“ экстралингвистической реальности, которая на уровне словообразования является регулярной, транспарентной, предвидательной и продуктивно созданной и их особенность состоит в:

а) отношении между языком и экстралингвистической реальностью, и

б) в отношении между языком и языковым/речевым обществом (speech community).

Štekauer в отличие от Hohenhaus'a предлагает свою концепцию понимания окказионального слова в рамках ономазиологической теории, которая слишком отличается от Hohenhaus'a. Суть заключается в том, что окказиональные слова понимаются диахронно, т. е. как этап от самого возрождения слова до его расширенного употребления. Каждое окказиональное слово входит в словарный запас и там ждет на свою судьбу: или станет активно употребляться, или будет выброшено из словарного запаса (Štekauer, 2001).

Р. Štekauer (2002) предлагает три аргумента для своего понимания окказионализмов. Он утверждает, что:

- 1) необходимо различать между неологизмами и окказионализмами; первое понимается диахронно как новое образование, значит в согласии с концептом окказионализмов Bauera,
- 2) с точки зрения лингвистической системы (langue¹⁸), окказионализмы являются регулярными, структурально прозрачными, транспарентными, предвидательными назывными единицами образования (потенциально) продуктивными словообразовательными правилами,
- 3) их особенность, которая уполномочивает их существование самым собой, основана на взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в:
  - а) отношении между языком и экстралингвистической реальностью, и
  - б) отношении между языком и языковым/речевым обществом.

Štekauer отмечает, что лишь новое слово, новая назывная единица (new naming unit) придумывается как ответ на какую-то нужду. Но это только предложение и все зависит от общества примет ли новое слово или нет. Он утверждает, что с точки зрения автора окказионального слова каждое новообразование имеет свое значение и является хорошо созданным. Поэтому т. н. зависимость от контекста (context-dependence) временно обусловлена ограниченным количеством пользователей языка. Каждая новая назывная единица имеет свой специфический контекст употребления, использования; с этой стороны, по его мнению, новое слово может зависеть от контекста.

Его теория об окказионализмах основана на ономазиологической теории. Принципы ономазиологической теории словообразования могут быть показаны на основании ономазиологической модели словообразования, показывающей функции и отношения между индивидуальными компонентами грамматики (смотри таблицу н. 1).

Схема характеризует внутренние связи между индивидуальными компонентами и субкомпонентами. С одной стороны она изображает прямую связь между словообразующим компонентом и лексическим компонентом, а с другой стороны связь между экстралингвистической реальностью и общественной языковой необходимостью ее названия (наименования).

Таблица н. 1 Словообразовательный компонент и его связи с другими компонентами FMAP (function to meaning assignment principle) – принцип присоединения значения к слову

Каждый называющий процесс отражает специфическую нужду языкового общества назвать экстралингвистический объект (в самом его широком смысле). Каждому называющему процессу предшествует поиск лексического компонента на стороне определенного члена языкового общества, который стремится назвать данный объект. После этого процесса создается либо совсем новая назывная единица, либо используется уже существующий лексический компонент.

Словообразовательный компонент является независимым компонентом лингвистического описания. Он взаимосвязан с лексическим компонентом и отделен от синтаксического компонента. Не существует прямая связь между словообразованием и синтаксисом. Эти два независимых компонента связываются посредством лексического компонента, который объединяет все назывные единицы данного языка. Принцип сепарации словообразовательного компонента и синтаксического компонента показывает, что новые назывные единицы не создаются продуктивно из синтаксических структур. Значит, все назывные единицы создаются в словообразовательном компоненте, создаются продуктивно и регулярно в рамках словообразовательных правил. Больше всего, и это очень важно, каждая новая назывная единица создана в рамках словообразовательных правил пополняет лексический состав.

Štekaur говорит, что все слова входят в языковую систему и лишь языковое общество решит дальнейшую судьбу определенного слова.

А. Г. Лыков (1976) отметил следующих девять признаков отграничивающих окказиональное слово от слова канонического:

- 1) принадлежность к речи, которую он воспринимает как „наиболее широкий и наиболее важный признак окказионального слова“ (с. 11),
- 2) творимость (невоспроизводимость), говорит о том, что в отличие от канонического слова окказиональное слово не воспроизводится,
- 3) словообразовательная производимость,
- 4) ненормативность, т. е. мотивированная неправильность,
- 5) функциональная одноразовость, „создается для того, чтобы слово употребилось лишь один раз“ (с. 18),
- 6) экспрессивность,
- 7) номинативная факультативность, (окказиональные слова возникают как определенного рода синонимы уже существующих слов),
- 8) синхронно-диахронная диффузность,
- 9) индивидуальная принадлежность.

Кроме девяти признаков окказионализмов, Ё. Liptaková (2000) еще выделяет два критерия, отграничивающих окказиональное слово от повседневного словарного запаса:

- 1) незуальность, т. е. слово не находится в узусе,
- 2) непредиктабельность, т. е. неожиданность со стороны перцепиента.

К. Buzássyová и Ё. Liptaková понимают некоторые свойства¹⁹ окказионализмов градуально. Абсолютность или градуальность определенных свойств окказионализмов зависит от широкого или узкого понимания окказионального слова. Напр. Ё. Liptaková (2000) считает ненормативность градуальной. Это потому, что она понимает окказионализмы в широком значении, т. е. в окказионализмы включает и потенциальные слова, а потенциальные слова являются нормативными.

Ё. Liptaková наделяет „коммуникативные“ окказионализмы следующими признаками:

Признаки окказионализмов	Абсолютное наличие	Градуальное наличие
Принадлежность к речи	+	
Незуальность	+	
Невоспроизводимость	+	
Номинативная факультативность		+
Словообразовательная производимость		+
Ненормативность		+
Зависимость от контекста		+
Функциональная одноразовость		+
Индивидуальная принадлежность		+
Экспрессивность		+
Непредиктабельность		+

М. Ološtiak (2009)²⁰ в своей статье об индивидуальной мотивировке лексических единиц²¹ пытается объяснить различия и сходства между словообразовательной и индивидуальной мотивировкой. Словообразовательная мотивировка (далее СМ) понимается как ингерентный мотивировочный тип, значит, что словообразовательный мотивант имеет интерлингвальный²² характер. Индивидуальная мотивировка (далее ИМ) – это адгерентный мотивировочный тип. Значит, ИМ имеет экстралингвистический характер. Ološtiak²³ использует термин «мотивировочной кооперации» – что представляет собой наличие двух или многих типов мотивировок в одной лексеме. В дальнейшем данную кооперацию (разные виды мотивировки) характеризует с точки зрения индивидуальной мотивировки. Автор говорит об ИМ и словотворной мотивировке, ИМ и темпоральной мотивировке, ИМ и экспрессивной мотивировке, ИМ и парадигматической мотивировке, ИМ и интерлингвальной мотивировке, ИМ и фразеологической мотивировке, ИМ и семантической мотивировке, ИМ и аббревиатурной мотивировке, ИМ и онимической мотивировке, мотивированной инкомпатибельности, индивидуальной демотивации.

Н. Г. Бабенко (1997) считает потенциальные слова разновидностью окказиональных, причем различает разные степени окказиональности:

- 1) окказионализмы первой степени – это стандартные потенциальные слова,
- 2) окказионализмы второй степени – частично нестандартные образования, причем отступления от деривационной нормы, не порождают трудностей семантической интерпретации,
- 3) окказионализмы третьей степени – это сугубо окказиональные слова, полностью нестандартные образования, семантическая интерпретация которых достаточно трудна.

Н. Г. Бабенко выделяет следующие типы окказионализмов:

- 1) фонетические окказионализмы – рождаются в том случае, когда автор предлагает в качестве новообразования какой-либо звуковой комплекс, считая, что этот комплекс передает, содержит некую семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, его составляющих (*Бобэоби пелись губы/Вээоми пелись взоры/Пиээо пелись брови/Лиэээй – пелся облик/Гзи-гзи-гзээ пелась цепь/Так на холсте каких-то соответствий/Вне протяжения жило Лицо* [В. Хлебников]),
- 2) лексические окказионализмы – создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней (*Как на лемех приятен жирный пласт/Как степь лежит в апрельском провороте!/Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст.../Черноречивое молчание в работе* [О. Мандельштам, Чернозем]),
- 3) грамматические (морфологические) окказионализмы – представляют собой образования, в которых, с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма (*К великой цели двигались народы./Век философии расцвел, отцвел;/Он разум обострил, вскрыл глубины зол/И людям вспыхнул маяком свободы.* [В. Брюсов]),
- 4) семантические окказионализмы – являются результатом появления семантических приращений, которые существенно преобразуют семантику исходной узуальной лексемы употребленной в художественном контексте (*Мучают бездарные люди, опозорив/Облик императора общим сходством с ним./Чужды люди кесарю: Клавдий так лазорев/Люди ж озабочены пошлым и земным.* [И. Северянин, Нерон]),

- 5) окказиональные (необычные) сочетания слов – представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе новозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях (...Он – город часовых/давнопрешедших позах,/подстриженной травы,/живых головок Греза,/ораторов в садах,/седающих спортсменов/и стрелок, что всегда/дрожат на „переменно“... [С. Кирсанов, В Лондоне]).

Особую важность он уделяет контексту говоря, что „анализировать окказиональное образование любого типа следует только в его контекстной позиции“²⁴, с учетом его контекстных связей“ (Бабенко 1997, 13). Бабенко выделяет шесть типов контекста: а) нулевой контекст, б) контекст ближайшего окружения или миниконтекст, в) контекст произведения или макроконтэкст, г) контекст творчества, д) историко-культурный контекст или вертикальный контекст, е) словообразовательный контекст.

Было сказано, что у окказионального слова важным признаком является характеристическая функция окказионального слова, с чем Е. А. Белоусова (2006, 179) не очень согласна, так как в „новообразованиях научной фантастики (...) на первый план выходят именно причины номинативного характера, т. е. потребность создавать новые названия“. Основным отличием окказиональных слов научной фантастики от новообразований иных видов литературы является, по мнению Е. А. Белоусовой „фактор соотнесенности/несоотнесенности этих групп слов с объективными явлениями действительности“ (с. 180), т. е. окказиональные слова научной фантастики представлены „конкретными существительными обозначают реалии фантастического мира“ (с. 180). Е. А. Белоусова (2006) пришла к заключению, что экспрессивность окказиональных слов научной фантастики не является главной отличительной характеристикой окказионального слова, а скорее „номинативный характер этого класса окказиональных слов“ (с. 180) представляет собой более существенный признак окказионального слова научной фантастики.

В последнее время все больше и больше можно найти окказиональные слова в современной публицистике. Это явление можно „объяснить как возникшей социальной потребностью неординарного именованя всего нового, так и внутриязыковыми факторами – тенденцией к экономии, унификации языковых средств, использованию номинаций с разной внутренней формой и этимологией“ (Горегляд – Кулиева 2004, 167). Публицистические тексты должны привлекать внимание читателей, посредством окказиональных слов можно „более точно выразить мысли и чувства, дать меткую оценку происходящему, усилить эмоционально-экспрессивную выразительность речи, а также позволяют экономить языковые средства“ (там же, с. 167).

„Проблема исследования окказионального слова в художественном тексте – это проблема междисциплинарная, общелингвистическая, имеющая самое непосредственное отношение к лексикологии, лексикографии, словообразованию, морфологии, синтаксису и стилистике“ (Бабенко, 1997, 71).

В нашей работе показаны разные точки зрения авторов на проблематику окказионального слова. Первые соединяют окказиональные слова и потенциальные слова (смотри, например, Buzássyovú, Martincovú, Bauera, Лыкова, Бабенко). Другие данные единицы речи противопоставляют (смотри, например, Земскую, Ханпиру, Hohenhausa). Третьи утверждают, что каждое новое слово входит в языковую систему и его дальнейшую судьбу решат пользователи определенного языка (смотри, например, Štekauera).

Из всех признаков окказионального слова, которые предполагают упомянутые лингвисты, они сходятся в том, что окказионализмы 1) принадлежат речи, а не системе,

2) принадлежат индивидуальному автору (хотя не всегда), 3) зависимы от контекста (это свойство понимается градуально), 4) не узуальны, 5) экспрессивны сами по себе (хотя тоже в рамках градуальности).

Некоторые лингвисты (например, Liptáková, Buzássyová, Štekauer) понимают свойства окказионализмов градуально, а именно: зависимость от контекста, словообразовательную производимость, невоспроизводимость, индивидуальную принадлежность. Упомянутая градуальность исходит из широкого понимания окказиональных слов, где, например, потенциальные слова не столь зависимы от контекста как, по словам А. Г. Бабенко, окказионализмы третьей степени, т. е. сугубо окказиональные слова, полностью нестандартные образования, семантическая интерпретация которых достаточно трудна.

Наблюдения в рамках работы показали на то, что окказионализмы создаются с целью наименовать явления точнее, экономичнее, при создании окказионализмов доминирует стремление создать что-то новое, неожиданное. Следующей причиной является потребность подчеркнуть отношение автора данного окказионализма к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку. Автор использует окказиональное слово с целью сохранения ритма стиха, его мелодичности, музыкальности, обеспечения рифмы, добычи нужной инструментовки.

Notes

- [1] В 1957 году появилась работа Н. И. Фельдмана: Окказиональные слова в лексикографии (Виноградов 2001, с. 122).
- [2] Окказионализм – происходит от латинского слова *occasio* – случай. Но в литературе можно встретиться еще с терминами: „писательские новообразования“, „художественные неологизмы“, „творческие неологизмы“, „стилистические неологизмы“, „индивидуальные неологизмы“, „слова-самоделки“, „слова-метеоры“, „слова-однодневки“, „эгологизмы“, „индивидуально-авторские новообразования“, „произведения индивидуального речетворства“, „эфемерные инновации“ (Бабенко 1997, 5)
- [3] Под словным морфосочетанием понимается объединение морфем словного характера, не имеющее свойства воспроизводимости.
- [4] Под семантемой понимается слово в значении, нехарактерном для него как воспроизводимой единицы языка.
- [5] Под аномалией подразумеваются ошибки, оговорки, иноязычная, непонятная речь, акцент или дефекты речи, а также различные окказиональные образования.
- [6] В литературной критике постмодернизма ликвидируются традиционные критерии отличия литературной критики от литературоведения. Литературная критика приобретает новые формы самосознания, а литературоведение использует художественную риторику (Д. В. Гугунава 2002, 2)
- [7] Постмодерная языковая картина мира характеризуется размытостью, нечеткостью аксиологического уровня ввиду декларативного отказа постмодернизма от традиционной иерархии ценностей, стремления к развенчиванию авторитетов, цитатности и языковой игре (Д. В. Гугунава, 2002, 2)
- [8] Термины деривация, словообразование, словопроизводство, словотворчество использует Гугунава как абсолютные синонимы.
- [9] Термин «гендиадис» употребляется в двух значениях: 1) это фигура речи, где существительное используется вместо существительного и прилагательного; 2) это способ словообразования – разновидность сложения, в котором второй компонент представляет собой фонетическое видоизменение первого, напр.: коза-дереза, фокус-покус, и другие.

- [10] Пример дегендиадиса: – Еще бы! Оборвать повествование на самом интересном месте, чтобы ни с того, ни с него, с бухты-барахты (<Вы не скажете, где расположена эта бухта?> – <Барахта? В нашем романе, милорд!>) начать долгий и бесцельный разговор...> (А. Житинский) Пример цитирован по статье Н. Н. Зайцевой (2005).
- [11] Оказиональные слова творятся часто в рамках словообразовательных типов, значит демонстрируют продуктивность на данном временном этапе.
- [12] Оказиональные слова помогают лучше осознать продуктивность словообразовательных типов и их возможный переход в узус можно открыть лишь диахронно.
- [13] В качестве примеров приводит слова как *ruličkár* (человек, который в пакете денег вам дает вместо, напр., долларов, польские деньги), *plotár* (тот, который стремится отделить цыган от остальных с помощью забора), *krížikár* (верующий в Бога) и другие. Приведенные слова на первый взгляд нам понятны (за исключением слова *ruličkár*), но они могут оцениваться как окказиональное слово, так как только из контекста можно понять намерение автора, который данное слово придумал.
- [14] Фразеологические единицы характерны устойчивостью словосочетания, наличием минимально двух слов во фразеологической единице (напр. *po uši*, *do pohy*) и их готовностью к употреблению.
- [15] Цитировано по книге автора Bauera (1983).
- [16] Цитировано по книге автора Štekauera (2002).
- [17] Это весь запас слов или все лексемы в языке.
- [18] Это система всех правил. Это абстрактная система правил, которые являются общепонятными всеми говорящими на определенном языке.
- [19] Свойства окказионализмов определенные Лыковым.
- [20] Автор является продолжателем научной теории J. Furdíka.
- [21] Индивидуально мотивованные лексические единицы, по его мнению, но и по мнению Furdíka – это окказиональные слова.
- [22] СМ может стать лексема или синтагма. Посредством СМ создаются единицы, которые морфематически нередко и лексически изменяются (*mlieko* → *mliekar*, *dve poschodia* → *dvojposchodový*). ИМ проявляется моментальной нуждой создать окказиональное слово, т. е. посредством ИМ можем ответить на вопрос «Почему окказиональное слово мы создали». СМ отвечает на вопрос «Каким способом мы создали окказиональное слово».
- [23] Больше информации об его теории можно найти в статье M. Ološtiaka 2009. In: *Slovo – Tvorba – Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej*.
- [24] Контекстная позиция – такое место слова в контекстном окружении, которое отчетливо репрезентирует семный состав его лексического значения.

Литература

- BAUER, L.: *English Word-formation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: *Ako vznikajú nové slová*. Kultúra slova 10, 1976, č. 5.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: *Aspekty vzťahu slovo tvorby a textu*. In: Text a kontext. Zborník z medzinárodnej konferencie. Pedagogická fakulta UPJŠ. Prešov 1993, s. 23-33.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: *O vzťahu potenciálnych a príležitostných odvodených slov k jazykovej norme*. In: Z teórie spisovného jazyka. Bratislava: VEDA. 1979, s. 124-127.
- BUZÁSSYOVÁ, K.: *Okazionalizmy v slovenskej literatúre*. In: Studia Academica Slovaca 9, Bratislava : Alfa 1980, s. 91-108.

- BUZÁSSYOVÁ, K.: *Okazionálna slovotvorba ako indikátor synchrónnej a diachrónnej dynamiky*. In: Metódy výskumu a opisu lexiky slovanských jazykov. Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. Bratislava 1990. s. 63-73.
- FURDÍK, J.: *Slovenská slovotvorba*. Prešov: Náuka 2004. editor M. Ološtiak. 200 s.
- FURDÍK, J.: *Slovotvorná motivácia a jej jazykové funkcie*. Levoča: Modrý Peter 1993. 200 s.
- GRZEGA, J.: *Onomasiological Approach to Word-Formation*. A comment on Pavol Štekauer: Onomasiological approach to word-formation. In SKASE Journal of Theoretical Linguistics 2, 2005, c. 76 – 80.
- HOHENHAUS, P.: *Non-lexicalizability as a characteristics feature of nonce-formation in English and German*. Lexicology 4 (2) 1998. s. 237-280.
- HORECKÝ, J., BUZÁSSYOVÁ, K., BOSÁK, J., A KOL.: *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: SAV. Veda 1989.
- JACKO, J.: *Neologizmy a okazionalizmy v súčasnej publicistike*. Slovenská reč 57. 1992. č. 1. s. 19-25.
- KOPINA, J.: *Okazionalizmy v súčasnej publicistike, najmä v literárnom týždenníku*. Slovenská reč 58. 1993. č. 6. s. 338-343.
- LIPTÁKOVÁ, Ľ.: *Okazionalizmy v hovorenej slovenčine*. Prešov: Náuka 2000. 145 s.
- MARTINCOVÁ, O.: *Problematika neologismu v současné spisovné češtině*. Univerzita Karlova. Praha 1983. 160 s.
- OLOŠTIK, M.: *O individualizačnej motivácii lexikálnych jednotiek*. In: Slovo – Tvorba – Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej. Ed. M. Šimková. Bratislava: Veda 2009, s. 67-84.
- SISÁK, L.: Jazykové a kognitívne aspekty interpretácie a porozumenia okazionálnych výrazov. In: Média a text II. FF PU 2008. s. 221 – 232. Dostupné na: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Bocak1/pdf_doc/sisak.pdf
- ŠTEKAUER, P.: *On the Theory of Neologisms and Nonce-formations*. Australian Journal of Linguistics. Vol. 22. No. 1. 2002.
- ŠTEKAUER, P.: *Word-formation*. In: P. Štekauer (eds): Rudiments of English Linguistics. Prešov: Slovacontact 2000. s. 93 – 131.
- VALEKOVÁ, Ľ. (a): *Okazionalizmy v tvorbe Daniela Heviera pre deti*. Slovenská reč. 58, 1993, č. 2, s. 72-77.
- VALEKOVÁ, Ľ. (b): *Slovotvorne motivované slovo v detskej tvorbe Daniela Heviera*. Slovenská reč. 58, 1993, č. 3, s. 140-144.
- АКСЕНОВА, О.: *Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта* (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина). [цитировано 2006-2-23]. <www.levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova1.html>
- АМИРИДИ, С.: *Окказионализмы в русской газетно-публицистической речи постсоветского периода*. Болгарская русистика 3-4, 2005.
- АНТОНЯКОВА, Д.: *Проблемы, связанные с переводом окказионализмов*. In: Preklad a tlmočenie 6. Zborník príspevkov z medzinárodnej konferencie v Banskej Bystrici. Banská Bystrica 2004, s. 238-247.
- АНТОНЯКОВА, Д.: *Сущность и функция окказионализмов в художественном тексте*. In: Ľ. Guzi (eds): Hľadanie ekvivalentnosti. Zborník vedeckých príspevkov grantového seminára 17. októbra 2003 KRAT FF PU Prešov. c. 51-62. <<http://www.pulib.sk/>>
- БАБЕНКО, Н. Г.: *Окказиональное в художественном тексте*. Структурно-семантический анализ. Учебное пособие. Калининград 1997. [цитировано 2006-2-23]. <<http://www.elib.albertina.ru/ndx.php3?di=2&di2=7>>

- БАТАЛОВ, О. Г.: *Семиотический статус окказионализма и его функции в художественном тексте*. Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 3. Воронеж 2004. <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2004/LSE2004Batalov.htm>
- ВИНОГРАДОВ, В. С.: *Введение в переводоведение* (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, 224 с.
- ГАТАУЛЛИН, Р. Г.: *Влияние контекста на интерпретацию окказиональных словообразовательных конструкций*. Вестник Башкирского университета. № 3. 2001. с. 45-51. [цитировано 2006-2-23]. <http://www.bashedu.ru/str_n_col/vestnic/magaz1_3/gataul.html>
- ГОЛЕВ, Н. Д.: *Стихийная узуализация номинативных единиц*. Известия Уральского государственного университета. № 21. 2001. с. 93-101. [цитировано 2006-2-23]. <[http://proceedings.usu.ru/proceedings/?base=mag/0021\(03_11-2001\)&xsl=showArticle.xslt&id=a10&doc=./content.jsp](http://proceedings.usu.ru/proceedings/?base=mag/0021(03_11-2001)&xsl=showArticle.xslt&id=a10&doc=./content.jsp)>
- ГОРЕГЛЯД, Е. Н. – КУЛИЕВА, О. Н.: *Окказионализмы как средство создания экспрессии в современной публицистике*. Русское языкознание: реалии и перспективы, 2004 с. 167 – 169.
- ЗАВАРЗИНА, Г. А.: *Неологизмы в политической сфере*. Русская речь 6/2004. с. 65-67.
- ЗАЙЦЕВА, Н. Н.: *К вопросу о гендиадисе*. [цитировано 2006-2-23]. <<http://www.ostu.ru/conf/ruslang2005/trend1/zaitseva.htm>>
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Как делаются слова*. Москва: Издательство академии наук СССР 1963. 91 с.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Современный русский язык* (Словообразование). Москва: Просвещение 1973. 258 с.
- КОМИССАРОВ, В. Н.: *Современное переводение. Учебное пособие*. Москва: «ЭТС» 2001. 424 с.
- КОРЖИНЕК, Й.: *К вопросу о языке и речи*. Пражский лингвистический кружок (ред. Н.А. Кондрашов). Москва: 1967.
- ЛОПАТИН, В. В.: *Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования*. Москва: «НАУКА» 1973. 152 с.
- ЛЫКОВ, А. Г.: *Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово)*. Высшая школа. Москва 1976. 118 с.
- МАРТЫНЕНКО, Ю. Б.: *Антропонимы-неологизмы в творчестве Велимира Хлебникова*. [Электронный ресурс] Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы междунар. конф. «Диалог 2002» : [сайт]. – Б. м., 2002. – URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7352&y=2002&vol=6077> (12.04.07.).
- НЕСТЕРОВА, Ю. О.: *Языковая игра и языковое сознание коммуникантов*. Русская речь. 2002 № 2. с. 73–80. http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088643.pdf,
- НЕФЛЯШЕВА, И. А.: *Окказиональные слова со значением признака в масс-медийных текстах: когнитивно-прагматический аспект*. http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/507/neflyasheva2007_3.pdf
- ПОЗДЕЕВА, Е. В.: *„Диалог“ или „монолог“ культур? (к вопросу о переводе окказиональных слов)*. [цитировано 2006-2-23]. <<http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0073&lang=rus>>
- ПОЛУХИНА, Я.: *Авторские окказионализмы как элемент языковой игры* (в цикле рассказов Евгения Лукина «Портрет кудесника в юности. Баклужинские истории». Лектон 2002. www.lecton.perm.ru/poluhina1.shtml
- ПОПОВА, Т. В.: *Русская неология и неография*. ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург 2005. 96 с.

- СИПКО, Й.: *Этнокультурный базис русско-словацких переводов*. Nauka, Prešov 1999. 144 s.
- СИПКО, Й.: *В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu*. FF PU, Prešov 2008. 445 s.
- СКРЕБЦОВА, Т. Г.: *Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фофонье и М. Тернера*. *Respectus philologicus* 2 (7). 2002. [цитировано 2006-2-23]. <<http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebcova.htm>>
- СОЛОГУБ, О. П.: *Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке*. Наука. Университет. Материалы Третьей научной конференции. Новосибирск 2002. с. 130 – 134. [цитировано 2006-2-23]. <<http://www.philology.ru/linguistics2/sologub-02.htm>>
- ХАНПИРА, Е.: *Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании*. In: Развитие словообразования современного русского языка. Москва: Наука 1966. с. 153-166.
- ХАНПИРА, Е.: *Окказиональные элементы в современной речи*. In: Стилистические исследования. Москва: Наука 1972. с. 245-317.
- ШАНСКИЙ, Н. М.: *Лексикология современного русского языка*. Москва: Просвещение 1972. 327 с.
- ШАПОВАЛ, В. В.: *О некоторых проблемах источниковедения и текстологии современных художественных текстов: Анализ экзотизмов и окказионализмов*. Наследие Д.С. Лихачева в культуре и образовании России. – Т. 2. – М., 2007. – с. 69-73. <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-07a.htm>

Abstrakt

Práca sa zaoberá problematikou okazionálnych slov, zásadami a príčinami ich tvorenia. Autor sleduje a porovnáva chápania okazionalizmov rôznych autorov, ktorí chápu daný jazykový jav v jeho širokom alebo úzkom ponímaní, t.j. prví okazionálne slová chápu ako časť neologizmov a potencionálnych slov, druhí ich chápu izolovane. V práci sa porovnávajú rôznorodé aspekty a vnímanie okazionálneho slova, v ktorých bol daný fenomén aspoň čiastočne analyzovaný, uvádzajú sa rôznorodé chápania okazionálneho slova, názorové rozdiely, spoločné znaky.